

извинюсь. не расстреляют

Однажды я написала статью «Он и Она». Статью опубликовали, я успела об этом забыть, когда в моей квартире раздался телефонный звонок и женский голос потребовал меня к телефону.

— Это я, — призналась я.

— Можно, я к вам приду?

— А зачем? — спросила я, хотя это было не очень вежливо.

— Посоветоваться о жизни.

— А почему вы хотите советоваться именно со мной? — удивилась я.

— Я прочитала вашу статью, вы мне больше всего подходите.

Я растерялась от такого наивного доверия.

— Простите, а кто вы?

— Лида, — представилась незнакомка.

Имя мало определяет человека. Его определяют возраст и профессия.

— Простите, сколько вам лет?

— Сорок.

— А где вы работаете?

— На овощной базе.

Теперь образ Лиды предстал более объемно.

— Вряд ли я смогу быть вам полезна, — честно предупредила я.

— А мне не надо пользы. Мне просто посоветоваться. И все.

— Хорошо. Я вас жду.

Я продиктовала адрес и положила трубку. Положив трубку, я пожалала плечами и бровями, хотя видеть меня Лида не могла.

Отворилась дверь, и вошла моя шестилетняя дочь.

— Ты умеешь делать так? — спросила она и заскакала, заводя одну ногу за другую. Такие па в балете называются «веревочка».

— Умею, — задумчиво сказала я, продолжая думать о Лиде. Мне не жаль было своего времени, а жаль напрасных Лидиных надежд.

— Покажи.

Я хотела отказаться, но тогда дочь очень бы удивилась и спросила «почему?» и мне пришлось бы объяснять, что взрослые

люди отличаются от маленьких тем, что не хотят скакать по утрам. Дочь снова бы спросила «почему?», и беседа могла затянуться.

Я покорно и хмуρο проскакала «веревочкой», пятясь при этом к окну.

Дочь внимательно смотрела на мои ноги, потом удовлетворенно кивнула головой и ушла.

Я сняла трубку и позвонила любимой подруге Милке. Мы созваниваемся с ней каждое утро и проговариваем свою жизнь. Я свою, а она свою. Наша дружба — это не что иное, как потребность оформить в словах свои впечатления.

— Ко мне сейчас Лида придет, — сказала я Милке.

Милка работает врачом в районной поликлинике и, должно быть, одним ухом прослушивает больного, а у другого уха держит телефонную трубку.

— Какая Лида?

— Позвонила какая-то Лида. Хочет посоветоваться...

— Не пускай ни в коем случае! — предупредила Милка. — Ты знаешь, что сейчас в Москве творится?

— Что? — растерялась я.

— Она тебя убьет и фотокарточек наде-
ляет.

- А фотокарточки зачем?
- На память.
- А ты не можешь ко мне сейчас прийти? — испуганно спросила я.
- Как же я приду, если я на работе?
- Я молчала.
- Ну ладно... — Милка вошла в мое положение. — Если она начнет тебя убивать, ты мне позвони.
- Раздался звонок в дверь.
- Я положила трубку и пошла навстречу своей судьбе.

Передо мной стояла женщина в синем бостоновом пальто с серым каракулевым воротником. Эту моду я застала, когда ходила в третий класс начальной школы.

Я поняла, что это Лида. Я поняла, что убивать меня она не собиралась, ей это даже в голову не приходило.

Я поняла: у Лиды тяжело на душе. Ей не к кому пойти, чтобы проговорить свою жизнь, и она пришла к совершенно постороннему человеку. Видимо, понятие «писатель» для нее синоним понятия «справедливость». Она пришла за справедливостью.

- Проходите, — пригласила я. — Раздевайтесь, пожалуйста...

Лида сняла пальто, туфли и осталась в шапке. Я достала ей тапки, она их не надела.

Мы прошли в комнату, я предложила Лиде сесть на диван. Она села на самый краешек, и я видела, что сидеть ей неудобно.

Она была смущена тем, что физически существует в моих стенах, поэтому старалась, чтобы ее было как можно меньше.

— Хотите чаю? — предложила я.

— Нет-нет... — перепугалась Лида.

Она смущалась так, что не могла поднять глаз. Ее скованность передалась мне, мы сидели в каком-то гипнотическом оцепенении, и у меня через минуту заболела голова.

— Я вас слушаю, — сказала я, с состраданием глядя на свою гостью. Я готова была помочь ей в чем угодно, чего бы она от меня ни потребовала.

— Я на базе работаю... — начала Лида. — К нам болгарские помидоры привезли.

Я задумчиво покивала головой, как слон. Пока что все мне было ясно: Лида работает на базе, и к ним привезли болгарские помидоры. Я представила себе эти помидоры — некрупные, одинаковые, без-

вкусные, как трава, лишённые всякой помидоровой индивидуальности.

— Я недавно иду, смотрю, из-под шатра течёт. Прихожу к Потякину, говорю: «Портится товар». А он говорит: «Спишем»...

Я представила себе шатер, похожий на очень большую брезентовую плащ-палатку, и снова покивала головой, как бы осуждая беспечность Потякина.

— Я говорю: «Что значит «спишем»? Надо перебрать». А он мне: «Спишем, тогда переберем»...

Лида посмотрела на меня открытым взором, и я увидела, что она освободилась от смущения и что глаза у нее серые, а брови подтемнены карандашом.

Я попыталась разобраться в ситуации: перебрать — означало отложить все хорошие помидоры в одну сторону, а все плохие — в другую. Потом плохие выбросить, а хорошие продать как хорошие.

Потякин предлагал списать весь шатер, чтобы он нигде не числился, потом плохие выкинуть. Хорошие продать как хорошие, а деньги взять себе.

— Ворует, что ли? — догадалась я.

— Мошенничает, — поправила Лида.

Мошенник — это промежуточное состояние между честным и вором. Это еще не вор, но уже не честный человек.

- Вы хотите, чтобы я про него написала в газете? — догадалась я.
- Боже упаси! — испугалась Лида. — У него дети. Разве можно позорить отца взрослых детей?
- Но если он мошенник?
- А как вы это докажете? — спросила Лида, будто это я, а не она работала под началом Потякина. — Он так все обдeldывает, у него комар носа не подточит.
- А что вы хотите? — прямо спросила я.
- Мне с ним работать противно, — уклончиво ответила Лида.
- Уходите.
- Куда?
- На другую базу. Не везде же воруют.
- Значит, я права и я уйду. А он останется...
До этого решения Лида могла бы додуматься самостоятельно. Не обязательно было ехать в такую даль.
- Может быть, его можно перевоспитать? — неуверенно предложила я.
- Он что, дошкольник? — спросила меня Лида. — Не понимает?
- Я смутилась и сдвинулась на краешек дивана, а Лида, наоборот, села поудобнее.
- Значит, переделать его вы не можете. Позорить не хотите. Работать вам с ним противно, а уходить обидно, — попыталась я. — Что вы хотите?

Лида молчала. Она хотела, чтобы Потякин был честным человеком и ей приятно было бы с ним работать. Но это зависело не от нее и не от меня, а от Потякина.

Я чувствовала себя виноватой.

— И еще... — сказала Лида. — Меня муж обманул...

Я обрадовалась, что Лида дала мне вторую попытку, на которой я могла бы как-то реабилитироваться.

— Мы с ним не были расписаны, но жили вместе пятнадцать лет. Детей воспитывали. Мы так хорошо жили... А потом он влюбился в одну и расписался с ней. А мне ничего не сказал. Жил то тут, то там... Я только через полгода узнала. Спрашиваю: это правда? Он говорит: правда. Я говорю: ну и иди к ней.

— А он?

— Ушел. А сейчас обратно просится.

Лида посмотрела на меня. Ее глаза были будто вымыты страданием.

— Я хочу спросить: пускать мне его обратно или нет?

— Это вы сами должны решить, — убежденно сказала я.

Лида опустила глаза в колени.

— Вы его любите? — расстроилась я.

— Я ему больше не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида сморгнула слезу.

— А вы можете без него обойтись?

Лида потрясла головой и вытерла щеку ладонью.

— Тогда пустите.

— Я боюсь, он у меня половину площади отберет. Я ему не верю.

— Тогда не пускайте.

Лида стянула шапку и сунула в нее лицо.

Я отошла к окну и стала смотреть на улицу. За окном виднелся детский сад, похожий на оштукатуренный мавзолей. Во дворе бегали дети в цветных веселых демисезонных пальтишках. А мы с Лидой решали и не могли решить ее проблемы: мошенничество Потякина, предательство мужа.

Может быть, надо бороться с мошенничеством и предательством, и это будет правда.

А может быть, устранимся и не играть в эти игры, и это тоже правда.

А может быть, смириться и оставить все как есть: работать с Потякиным, жить с мужем. И это будет правда с учетом судьбы и диалектики.

Если бы можно было разложить правды как помидоры: здоровые — в одну сторону, а гнилые — в другую. Но, откровенно говоря, выбирать Лиде не из чего,

и, если пользоваться терминологией овощной базы, весь шатер течет и его надо списать.

— А вы не могли бы написать в газету, чтобы разрешили дуэли? — спросила Лида.

— А кого бы вы убили? — обернулась я.

— Я убила бы мужа.

— Но ведь и он бы вас мог убить.

— Да. Но тогда бы он видел это. И ему потом было бы стыдно. А так он меня убил, и ему хоть бы что... И вообще, никому ничего не стыдно. Потякин всегда пообещает и не сделает. Я ему говорю: «Как же вам не совестно!» А он: «Извинюсь. Не расстреляют».

— Вы хотите, чтобы расстреляли?

— Ну, не совсем так уж... — смягчила Лида. — Чтобы все по правилам.

— По каким правилам? — заинтересовалась я.

Мне стало ясно, что дуэль — это не сиюминутный экспромт, а плод долгих Лидиных размышлений. Именно за этим она ко мне и приехала.

— Сначала заявление на дуэль, как в загс, — начала Лида. — Потом заявление должны разобрать и дать разрешение. Потом две недели на обдумывание. А уж потом дуэль.

— А стрелять где? На Лобном месте?

— Нет. На Лобном месте — это казнь. Насилие. А тут — кто кого, все по справедливости.

— Какая же справедливость в смерти? Смерть — это наивысшая несправедливость.

— Конечно, — согласилась Лида. — Умирать кому охота? Вот и будут жить внимательнее.

— Внимательнее к чему?

— К каждому дню. К каждому поступку.

Зазвонил телефон. Я сняла трубку.

— Ну что? — спросила Милка. Она проверяла, жива я или нет.

— Я не могу говорить, — строго сказала я и положила трубку с бесцеремонностью, дозволенной между близкими людьми.

— Я вас задерживаю... — Лида встала.

Я пошла ее проводить.

Лида надела пальто, туфли.

Мы стояли, оттененные какой-то покорной грустью. Я была погружена в Лидин план возмездия. Земного суда.

— Три года на обдумывание, — предложила я. — Две недели мало в таком деле...

— А как вы думаете, могу я поступить в «Аэрофлот»? — спросила вдруг Лида.

— Кем?

— Все равно. Хоть в диспетчерскую... Вы знаете, я небо люблю. Я все болезни высотой лечу.

— Как это?

— Куплю билет до Ленинграда. Самолет поднимется на восемь тысяч метров, у меня все проходит. Я, наверное, раньше птицей была.

Я внимательно-доверчиво посмотрела на Лиду, ища в ее облике приметы птицы.

— Звоните, — сказала я.

Лида улыбнулась и ушла.

Я вернулась в комнату. Моя дочь сидела за пианино и тыркала в клавиши. Она училась в подготовительном классе музыкальной школы.

— Си-бемоль, — сказала я, поморщившись.

— Где?

Я подошла к инструменту и показала. Дочь нажала черную клавишу.

Может быть, подумала я, когда человеку трудно, не стоит искать смысла сразу всей жизни. Достаточно найти смысл сегодняшнего дня. А осмысленные дни протянутся во времени и пространстве и свяжутся в осмысленную жизнь.

Смысл сегодняшнего дня в том, что я научила дочь новому знаку, поправила маленькую ошибку. А завтра поправлю еще одну и научу не повторять предыдущих.

Я подошла к окну.

Лида уже пересекла дорогу и удалялась все дальше. Сейчас она свернет за угол,

и ее шерстяная розовая шапка последний раз мелькнет в моей жизни.

Очень возможно, что Лида сейчас поедет в «Аэрофлот», купит билет до Ленинграда и поднимется на восемь тысяч метров.

Если облака не закроют землю, то внизу будут видны города, четкие ремни дорог и круглые озера величиной с пятикопеечную монету.

А мужа и Потякина будет не видно совсем. Их не разглядеть, даже если очень напрячь зрение.

Потом я подумала, что, если бы мне дали разрешение на дуэль, я выбрала бы место у Красного собора, возле метро «Юго-Западная». За собором — поле, за полем — лес, над куполом — небо. Там очень красиво и возвышенно разрешать вопросы чести и не обидно приобщиться к вечности.

между небом и землей

Наташа сидела в аэропорту, ждала сообщения о своем рейсе. Рейс все время откладывали: сначала на три часа, потом на четыре. Этим же самолетом улетал в Баку на гастроли болгарский цирк. Циркачи расположились вольно, как цыгане: на полу, на креслах. Вокруг них бегали промытые, расчесанные болонки, одного возраста и роста. Наверное, у них в программе был свой собачий кордебалет.

Мимо Наташи прошел высокий мужчина, чем-то отдаленно похожий на ее первого мужа. Времени было много, голова пустая, и от нечего делать Наташа вспомнила свое первое замужество. В другом случае она бы про него не вспомнила.

Они поженились, когда ей было восемнадцать, а ему двадцать два. И тут же ра-

зошлись. Ну, не совсем тут же. Месяцев восемь они все же прожили. Брак оказался непрочным. Как только схлынула страсть, обмелела их река, обнажилось дно, а на дне всякие банки-склянки, мура собачья. Они стали ругаться, ругались постоянно и из-за ничего. Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями, и наконец умерла. Но, разойдясь, еще долгое время продолжали встречаться и продолжали ругаться. Они не могли быть вместе и не умели быть врозь. Тема их ссор была примерно такова: Наташа считала мужа дураком, не способным соответствовать ее красоте. Ей казалось, что фактор красоты должен давать в жизни дополнительные преимущества, как, скажем, билет на елку или продуктовый талон к празднику. А муж говорил, что красота — явление временное и преходящее. Она обязательно уйдет лет через двадцать и помашет ручкой. А его способность к устойчивому чувству, именуемому «верность», — навсегда. Это не девальвируется временем. Так что он — муж на вырост. Сейчас немножко не годится, зато потом — в самый раз. Но в восемнадцать лет невозможно думать о потом. Жизнь представляется непомерно долгой, кажется, что всего еще будет навалом и все впереди...

Они разошлись и встретились через двадцать лет. Он был женат во второй раз, имел дочь, которую назвал ее именем. Жил в другом городе. Наташа попала в этот город по делам службы. Она знала, что экс-муж живет где-то здесь. Позвонила ноль девять, назвала его фамилию. (Она ее помнила.) Ей дали телефон. Наташа набрала номер и услышала его через двадцать лет. Голос не изменился. Голос — инструмент души, а душа — не стареет. Вечная девушка. Они разговаривали друг с другом прежними молодыми голосами.

— Здравствуй, — сказала Наташа. — Только не удивляйся.

— А кто это? — насторожился он.

— Это твоя жена за номером один.

Настала пауза — такая длинная, что Наташа подумала: телефон разъединили.

— Алло? — позвала она.

— Я сейчас приду, — сказал экс-муж. — Куда?

Она назвала гостиницу и номер.

Положив трубку, занервничала. Было непонятно: зачем позвонила? Зачем позвала?

Надела белую французскую кофточку. Потом передумала и поменяла на черную: к фигуре лучше, зато хуже к лицу. Надо было выбирать между лицом и фигурой.

В дверь постучали скорее, чем она предполагала. Она открыла и увидела своего первого мужа. Эти двадцать лет его слегка расширили, плоскости щек стали больше. Но выражение лица и вся его сущность остались прежними, и эта сущность откровенно выглядывала из окошек больших зеленовато-бежевых глаз.

— Какая ты стала... — проговорил он и покивал головой, как бы подтверждая свою правоту: красота миновала, как станция, и именно через те самые двадцать лет, о которых он честно предупреждал.

— А ты совершенно не изменился, — ответила Наташа, подтверждая, что он каким дураком был, таким и остался.

Наташа действительно изменилась за двадцать лет. Если сравнивать Наташину красоту с природой, то раньше она была луговая, а стала полевая. Но кто знает, что лучше: луг или поле.

Удивительно было другое: они начали ссориться с той самой фразы, на которой прервались двадцать лет назад. Как будто не было этих двадцати лет и они расстались только вчера с этими же претензиями.

Потом спустились в ресторан поужинать. Выпили вина. Он стал рассказывать, как долго и мучительно переживал свой

разрыв с ней. Женился потому, что боялся спиться.

— Но ведь пережил, — успокоила Наташа, уходя от неприятной темы и давая понять, что все плохое уже позади. В прошлом.

— Но ведь я переживал.. — Он подчеркнул слово «переживал», настаивая на длинном куске жизни, отданном страданию.

— Страдать полезно, — как бы оправдалась Наташа. — Страдания формируют душу.

— Ерунда, — не согласился он. — Не помню, кто-то сказал: «Счастье — вот университеты». Страдания иссушают душу. А из засухи ничего путного не возрастает. Всякие сорняки вроде злости.

Он действительно оказался способен к устойчивому чувству. Сначала он ее любил. Потом ненавидел. Теперь не простил. Значит, она была с ним всегда.

Выпили еще. Наташа рассказала о своей диссертации. Она изучала наследственный код маленьких мушек дрозофил. Дрозофилы — это те, что любят фрукты. И мушки дрозофилы, летающие над фруктами, больше похожи на пыль, чем на живые организмы. А она их скрещивала, изучала и делала через них серьезные выводы, касающиеся всего человечества.

Первый муж рассказал, что после своего медицинского стал специализиро-

ваться на зубном протезировании. У него прекрасные заграничные фарфоровые материалы, и спрос на него превышает его физические возможности. Подо всем этим подразумевалось, что денег — куры не клюют и Наташа поторопилась тогда, двадцать лет назад. Сейчас он был бы ей как раз впору.

— Ты замужем?

— Да, — соврала Наташа. Она была замужем, но не до конца.

— А ты изменяешь своему мужу?

Это был главный вопрос. Женская верность — вот его главное требование к женщине, и, если Наташа отвечала этим требованиям, значит, его утрата была невозполнима.

— Как тебе не стыдно? — удивилась Наташа.

— Так да или нет?

— Никогда!

Первый муж расстроился и поник. То, что в нем осело и успокоилось за прошедшую жизнь, вновь всплыло со дна души, как бывает, если в пруду поворочить палкой, и поднимаются тина и грязь, а может, даже и череп с костями.

Потом они расстались. И это еще на двадцать лет. Город, в котором он жил и работал, был маленьким, командировки туда

были случайностью, да и не в этом дело. Дело было во взаимной бесполезности.

Разойдясь с мужем, Наташе казалось, что она вновь выйдет замуж очень скоро. Что стоит ей выйти на улицу и крикнуть: «Хочу замуж!» — как тут же сбегутся толпы и выстроятся в длинную очередь. Но она была наивна в своей самоуверенности. Поиском счастья занято все человечество, а находят его единицы. Ну, десятки... Ну, даже сотни. Но что такое одна сотня на все человечество... Однако Наташе удалось со временем попасть в сотню, и даже в десятку, когда она полюбила Китаева, профессора биохимии, автора четырнадцати блестящих открытий, в том числе гипотезы о возрасте Земли. Казалось, что у него в голове не мозги, а какая-то сверхмощная электростанция, которая генерирует идеи, заряжая ими окружающих. Он раздаривал идеи направо и налево, был щедр, как всякий талант, как курочка-ряба, которая несет золотые яйца и не дрожит над каждым. Она знает, что следующее — тоже будет золотым.

Внешне Китаев был лысоват, желтоват, сух, походил на камбоджийца, хотя не имел к этой стране никакого отношения. Он был похож на мать, и с возрастом это сходство увеличивалось.

Наташа не замечала его некрасоты. Красавец у нее уже был. Она видела Китаева своим собственным зрением, и все остальные мужчины рядом с ним казались бледными и невразумительными, как десятый оттиск через копирку.

Китаев долгое время не мог поверить в Наташину любовь, потом все же поверил, а за долгие годы и по привычке, как к жене, хотя Наташа не была его женой. Женой считалась другая. Но эта другая ничему не мешала, а Наташа ничего не требовала, и создавалась возможность ничего не менять. Постоянные перемены клубились в золотых мозгах Китаева, а к внешним переменам он был холоден.

Иногда Наташе казалось, что завтра, именно завтра, а не послезавтра, он делает ей предложение — так глубоко было их прораствание друг в друга. А иногда ей казалось, что этого не случится никогда. Можно было бы не гадать, а прямо спросить, но в вопросах — и вообще в словах — есть конкретность. Музыка — высшее из искусств, потому что она не конкретна. Музыка и любовь должны быть вне слов. Во всяком случае — вне вопросов.

И сегодня утром, когда Китаев позвонил ей из Баку, где пребывал на симпо-

зиуме стран Азии и Африки, и позвал Наташу приехать на последние пару дней, она не стала спрашивать: зачем? И так ясно. Соскучился. Не может дожить без нее оставшиеся дни. Но из этих двух дней десять часов уже украдено, отдано черту. Она сидит в московском аэропорту, а он в бакинском — выкинут в бездействие и ожидание и наверняка жалеет, что затеял этот марш-бросок.

Медный голос над залом объявил посадку. Циркачи задвигались, собаки дружно залаяли, как будто поняли и обрадовались.

Наташа пристегнула ремни. Ее тошнило от страха и подъема и оттого, что в ней девять часов бродило и переставало чувство к Китаеву.

Самолет шел толчками, а потом куда-то оседал вниз, и всякий раз, когда он оседал, сердце катило к горлу в предчувствии конца. Она не столько боялась самого конца, сколько дороги к нему. А дорога предстояла длинная, секунд в тридцать, и что самое неприятное — осмысленная. У Наташи был дальний родственник Валик, которого завалило в шахте. На него упало сорок тонн породы, и понадобилось много вагонеток, чтобы его откопать. Откопали его с седыми бровями, хотя это

был молодой человек. Значит, какое-то время, может быть, секунд тридцать, а то и шестьдесят, он жил, полностью понимая, что с ним случилось. Его жена Надька падала на гроб с неподдельным безумством отчаяния, как великая итальянская актриса Анна Маньяни. В тех южных районах похороны — своего рода спектакль, катарсис, очищение, когда выдыхаешь в крике все отчаяние, несогласие с судьбой. А люди вокруг, заразившись чужим несогласием, тоже плачут и выдыхают свое собственное, чтобы облегчить душу и жить дальше. Надька падала на гроб, ее отгаскивали. Фотограф запечатлевал эти мгновения. Однако через неделю у Надьки уже ночевал некий Петько. Оказывается, он имел место еще при жизни мужа и они еле-еле переждали эту неделю. Соседи были недовольны, и в обиходе ходила фраза: «Еще пятки не успели остыть», имея в виду пятки Валика. Но больше всех убивалась Надькиной изменой ее мать, теща Валика. Она приходила к ним в дом и допрашивала Надькину дочку-подростка:

— Вин ночевав?

— Ночевав, — хмуро отвечала девочка.

— На кровати? — пугалась Надькина мать.

— А дэ ж? — удивлялась девочка. — Пид кроватью, чи шо?

содержание

извинюсь. не расстреляют.....	5
между небом и землей.....	18
не сотвори	44
центровка	87
упк	113
северный приют	
<i>повесть в диалогах</i>	128
длинный день	
<i>повесть</i>	210

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
извинюсь. не расстреляют

Редактор Д.Гурьянов

Корректоры Н.Соколова, Л.Козлова

Технический редактор Л.Синицына

Компьютерная верстка Т.Коровенковой

В оформлении обложки использовано фото

© art_of_sun/shutterstock.com

Фото на задней стороне обложки из личного архива автора

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Азбука»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 07.09.2018

Формат 75×100 1/32. Бумага офсетная пухлая.

Гарнитура «Original Garamond»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,8

Доп. тираж 2000 экз. В-TGP-16811-05-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru